

Поскольку он всегда приходил так резко, даже тем, кто с нетерпением ждал лета, было трудно поверить, что он действительно был там. Когда они слушали детей, которые не могли дольше ждать, распахивая двери и выбегая на улицу, люди позволяли зефиру дуть над ними, согревая их тело и душу. Наконец, они вышли на свет. Но они всегда были так осторожны, как будто все это было не более чем сиюминутным сном, который они проснулись с той секунды, когда попытались войти в него.

Однако, если они слушали достаточно внимательно, из леса доносилась мелодия, которая звенела до небес, в то время как аромат летних трав и запах конфет и вина разносились по воздуху. И, наконец, они поняли, что этот сезон был больше, чем просто мечта, и позволили его названию подняться на их устах. Лето. Всего неделя, но лето тем не менее. Дни пиршества и веселья вот-вот должны были начаться.

В то утро шериф позвонил Д., хотя на самом деле это был Су-Ин, которого он хотел.

«Хозяйка дома должна быть в команде по предотвращению преступности на фестивале», - сказал законник. «Но поскольку Су-Ина здесь нет, мы мало что можем сделать. У нас тоже нет никого, кто мог бы ее заменить. Поскольку вы работаете в ней, вы думаете, что могли бы заступиться за нее?»

Д согласился. Су-Ин объяснила ему ситуацию — она даже попросила его пойти, если он сможет.

В девять часов утра они прибыли на поляну на окраине города. Это было сердце лета. Фокусники и акробаты были лишь некоторыми из путешествующих исполнителей, которые смешались с толпой. Толпы детей образовались вокруг ассортимента продавцов, а молодые мужчины и женщины приняли участие в ликующих линейных танцах. Но когда Д прошел через этот район, все волнения и крики прекратились, и лихорадочный взгляд всех подкрался к Охотнику. Никаких аплодисментов при виде этого молодого человека никогда не раздастся. Ветер выбил из всех.

«Иди сейчас — шагни прямо вверх!» — живой голос крикнул из центра площади, окруженной деревьями со всех сторон. Одетый в шелковую шляпу и утреннее пальто поверх серебряных колготок, с первого взгляда было ясно, что человек был путешествующим мастером игры на мечах. Тонкий, прямой клинок свисал с его пояса.

В то время как воины зарабатывали на жизнь, сдавая в аренду свои мечи и даже свою жизнь, этот вид исполнителей брал на себя только любителей. С точки зрения способностей, они были только примерно наполовину хороши, чем воины, участвуя в развлекательном времяпрепровождении с небольшим или нулевым шансом на физический вред.

Но оружием этого человека был не меч на бедре. Сняв свою шелковую шляпу плавным движением, он просунул в нее одну руку. Когда он снова вышел, он держал пару метательных

ножей между каждым пальцем, в общей сложности восемь лезвий. Каждый из них был восемь дюймов в длину, включая рукоять, и только три четверти дюйма в ширину. Оба края были тусклыми, а кончики затупленными.

«По четыре в каждой руке, всего восемь», — заявил исполнитель. «Но будьте уверены, наконечники и лезвия были обезврежены. Даже если они ударят, они не будут делать ничего, кроме того, чтобы просто немного ужалить. И любой, кто сможет заблокировать все восемь моих бросков или даже уклониться от них, гарантированно получит блестящую золотую монету Пегаса!»

Это последнее заявление оказалось очень эффективным, вызвав ажиотаж даже у женщин и детей, которые слушали заворуженно. Монета Пегаса была самым высоким номиналом в северной или южной границе. В такой деревне было бы достаточно, чтобы семья из пяти человек прожила полгода.

Кто-то тут же крикнул затаившим дыхание голосом: «Я сделаю это!» Тон был не только страстным, но и наполненным уверенностью.

Раздался порыв аплодисментов. Как и многие другие, D повернулся, чтобы посмотреть на оратора, хотя на самом деле было больше женщин, касающихся молодого Охотника, чем людей, смотрящих на кого-либо еще.

Молодой человек двадцати одного или двадцати двух лет стоял напротив мастера меча, или, скорее, метателя ножей. Судя по выпуклым мышцам, оставленным открытыми его шортами и рубашкой с короткими рукавами, и тому, как он себя вел, у него, казалось, был некоторый опыт в боевых искусствах

. Положите свои десять деми в коробку прямо там. Я настрою вас с оружием. Что вы предпочитаете?» — спросил метатель ножей, сделав шаг назад на полшага назад и указав предметы позади себя. Кожаный цилиндр там содержал все: от длинных мечей, копий и копьев до кастетов и крючков. Казалось, что вся партия должна была весить не менее пятидесяти фунтов. Хотя все оружие было отполировано, рукояти были повреждены, а лезвия были проколоты, что дает понять, что каждый из них видел большую полезность.

Бросив свою медную монету в обозначенную коробку, молодой человек выбрал копье. То, как его руки сжимались вокруг него, как профессионал, и его ноги устраивались в легкую позу, было чем-то, что можно было увидеть.

«Все готово, не так ли?» — спросил метатель ножей.

«Вы держите пари!» — ответил молодой человек.

— Очень хорошо, тогда.

Держа правую руку за грудь, исполнитель сделал нежный поклон, и как только он снова выпрямился, вспышка серебра пронеслась прямо к груди юноши.

«О!» — ахнула толпа, и в то же самое время раздался мягкий чинг! когда метательный нож улетел на солнце, чтобы вернуться на ладонь правой руки метателя.

«Молодец!» — воскликнул человек в шелковой шляпе, его похвала заставила юношу откинуть плечи с собственной важностью. «Давайте продолжим».

"Вы поняли!"

В очередной раз серебристая вспышка полетела и была сбита с ног тем же звуком. И снова нож приземлился обратно в руку своего владельца.

«Отлично! Давайте продолжим».

— Конечно.

Третий раз прошел точно так же. Видя, как отклонённое лезвие каждый раз возвращалось к руке метателя ножей точно так же, зрители перестали хлопать. Все там поняли, что это не имеет ничего общего со способностями молодого человека, а было полностью делом метателя ножей. Как кукла и ее хозяин.

«Брось его со всем, что у тебя есть», — наконец заплакал молодой человек. Он тоже понял, что происходит. И он больше не хотел играть шута.

«Мне жаль, что ты так себя чувствуешь», — сказал метатель ножей с усмешкой. «Я уже делаю все возможное. Но сделайте это по-своему. Я посмотрю, что я могу сделать, чтобы приспособиться к вам».

«Отлично!» — ответил молодой человек. Стиснув зубы, он приготовился.

Вспышка серебра закружилась у его горла. При тупом стуке юноша покатился назад, и три метательных ножа упали с горла на землю.

На самом деле прошло несколько секунд, прежде чем шепот удивления пронесся через зевак. Ножи буквально летели быстрее, чем глаз мог следовать. Хотя никто на самом деле не мог видеть сам нож, все они думали, что было брошено одно лезвие. Видя, как несколько человек бросились вперед и помогли молодому человеку подняться со спины, это не выглядело так, как будто он был ранен, хотя ему, казалось, был нанесен довольно сильный удар.

«Хорошо, кто следующий?» — спросил метатель ножей, но желающих не было.

Криво улыбаясь с осознанием того, что переусердствовал, он оглянулся с вытянутым лицом, а затем остановился на новой цели. Прямо перед ним стоял Д.

«Боже мой! Простите меня за то, что я так сказал, сэр, но вы, кажется, совершенно неуместны в такой деревне, как эта. Более того, на а...»

Голос метателя ножей погас. Его лицо побледнело. По крайней мере, он мог различить, насколько это возможно.

Целым человеком, который стоял перед ним, был.

«Я, кажется, использовал нехарактерный кусочек силы в прошлый раз», — продолжил метатель ножей. «Пройдет довольно много времени, прежде чем у меня появится еще один претендент. Если вы хотите помочь мне скоротать время, вы можете попробовать свои силы бесплатно».

Никто в толпе не двигался. Не было ни криков, ни аплодисментов. Все понимали, что если красивый молодой человек согласится участвовать, это будет больше, чем просто отвлечение времени.

В то время как его мысли оставались загадкой, Д шагнул вперед. Конечно, приглашение метателя ножей не было вызовом для боя. И этот молодой человек не был из тех, кто принимал участие в простых играх. Тем не менее, он все еще продвигался вперед.

«Я обязан перед вами за то, что вы так охотно согласились помочь мне», — сказал метатель ножей с луком. «Я полагаю, что вы будете использовать свое собственное оружие. Если вам удастся отклонить мои ножи, я дам вам золотую монету. Очень хорошо, тогда».

Они находились на расстоянии пятнадцати футов друг от друга. Для такого опытного человека, как метатель ножей, это, по сути, не было расстоянием вообще.

"Есть у тебя!"

Д стоял там, даже не вытягивая свой клинок. Сцена, казалось, происходила в совершенно другом сезоне, чем их слишком короткое лето.

Единственная вспышка серебра, обжигающая воздух, на самом деле была четырьмя лезвиями. Но зрители поняли это только тогда, когда призматическая косая черта вытекла из плеча человека в черном в том, что можно было описать только как легкий размах, и повалила их всех на землю.

Прежде чем кто-либо успел даже задохнуться от удивления, Д бросился вперед. Когда бледный метатель ножей отступил, оставшиеся четыре лезвия в его левой руке выскочили наружу. Люди увидели крестообразную вспышку света. Горизонтальный свайп отбил метательные

ножи, в то время как вертикальный удар зацепил мужчину, когда он пытался отпрыгнуть назад, расколов его пополам от его шелковой шляпы до челюсти.

Но человек, который был мгновенно убит, не упал на землю. Вместо этого упало что-то другое. Кукла в шелковой шляпе и утреннем пальто.

Теневые фигуры прыгали на D со всех сторон — повар, который жарил кур, продавец конфет, мужчины, которые играли в шахматы на тротуаре. И хотя их движения были достаточно человеческими, их курс действий был совсем не таким.

Лезвия, которые они сбили у Охотника, все встретились с воздухом. Прежде чем мужчины смогли начать вторую атаку, их туловища были разделены пополам, превратив их в крошечных кукол, которые упали на траву.

Кончик лезвия D. слегка опустился — травинки были раздавлены до основания. Только один человек, которого знал D, обладал способностью контролировать гравитацию в данной области.

«Итак, мы снова встречаемся, Д!» Шин сказал, его голос поднялся от презрительного смеха откуда-то из этого района. «Я хочу, чтобы вы знали, что шериф, который позвонил вам, тоже был одной из моих марионеток. Но на этот раз я не одна. Я понимаю, что вы знакомы с Эгбертом и его «королевством».

Кончик меча D. поднялся, а затем снова упал. Но независимо от того, насколько сила дампира превосходила силу обычного человека, это должно было произойти, когда Охотник подвергся воздействию в пять раз больше обычной силы тяжести. Один на один он побеждал все трюки воинов. Но противостоять им в тандеме было бы другим делом.

«Королевство Эгберта охватывает весь этот участок леса. Почему, я полагаю, это почти миля в поперечнике. И все в нем находится под его командованием. Более того, он полностью населен моими марионетками. Давайте посмотрим, как вы попытаетесь выйти из этого». Шин остановился там, но после минутной паузы он продолжил, сказав: «Но, похоже, вы были мудры с моими марионетками еще до того, как запутались с метателем ножей. Хотите объяснить, почему это произошло?»

D едва успел удержать свой меч горизонтально. Но голосом, который не выдал ни на йоту напряжения, он сказал: «Я полагаю, что я должен поблагодарить Глена за это».

На пароме по дороге Глен взял одну из рук Шина. Но если бы эта рана доказала падение кукловода, наверняка только этот молодой человек смог бы это заметить.

Охотник почувствовал, как что-то рвется вперед. И это было больше, чем просто один человек. Несколько рядов глубоко, когда они собрались вместе, они наступали на него со всех сторон. D, вероятно, уже видел сквозь их облик. Это были те же молодые люди, которые намеревались танцевать, матери и дети, которые облизывали губы над арбузом, и мужчины, которые

соревновались в игре в бросок кольца. Люди здесь, в лесу, или, по словам Шина, все на протяжении более полумили во всех направлениях были марионетками. И в отличие от D, они были невосприимчивы к последствиям королевства Эгберта.

Стальные лезвия, сверкающие в каждой руке, толпа окружала Д. Старка вспышки света соединялись со звуком отрубленной кости, и в мгновение ока несколько человек в первом ранге исчезли.

«Продолжайте идти! Он только плоть и кровь! В конце концов, он должен устать!»

С воем Шина в качестве сигнала, причудливый заряд марионеток продолжался, а затем, когда они были сокращены до половины своего предыдущего числа, голос закричал снова.

«Это невероятно, он просто невероятен», — сказал Шин. «Он должен быть под десятью Gs там. Нет смысла давить на него дальше — вы будете только выбрасывать свои жизни», — сказал он своим приспешникам. «Назад! Отступить! Мы вывезем его издалека».

Толпа отступила. Несколько человек, которые остались сзади, держали оружие, которое выглядело как старомодные пороховые винтовки. Но прежде чем они смогли поднять их, а тем более огонь, их головы летели по воздуху, где они стали кукольными головами. Быстрее, чем группа могла отступить, Д. продвинулся вперед и сгреб свой клинок через сопротивление. Единственная причина, по которой он оставался укорененным до сих пор, заключалась в том, чтобы не попасть в ловушку хаотичных движений своих врагов.

«О, мой!» — удивленно воскликнул кто-то, и в лесу было ощутимо движение справа от Охотника.

Не раздумывая ни минуты, даже не глядя, Д бросил иглу незаконченного дерева. Коротко сверкая на солнце, ракета была проглочена лесом, а затем раздался крик боли.

Группа жителей деревни, которая собиралась спуститься на D, перестала двигаться.

D посмотрел вниз на его ноги. На траве перед ним бесчисленные куклы лежали замерзшими в тех же позах, которые они держали за долю секунды до своего преобразования. В то же время Д. понял, что он был освобожден от безумных уз гравитации.

«Я впечатлен. Но тогда я должен ожидать не меньшего от Охотника на вампиров D», — сказал Охотник. Но даже с его очень пронизательным слухом, D не мог сказать, откуда взялся голос. Это звучало так, как будто оно исходило как с небес, так и с земли.

— Разве ты не приходишь? — спокойно спросил Д. Если бы он когда-нибудь пригласил кого-то выпить с ним чашку чая, это, несомненно, был бы тот же тон, который он бы использовал. Для него приглашение на чай или вызов смерти были одним и тем же.

При внимательном осмотре плечо Охотника было разорвано и льется кровью, а его грудь и спина были покрыты длинными тонкими гашами. Учитывая, что он сражался с десятками противников одновременно, и гравитация была примерно в десять раз сильнее, чем обычно, это было что-то вроде чуда, с которым он отделался с таким небольшим количеством ран.

«Я думаю, что я пройду», — ответил Эгберт просто. Его тон был освежен, и он звучал как-то очень удовлетворенно. «Я был против всей идеи объединения с самого начала. После того, как я был ранен вместе с вами раньше, я подумал, что у нас может не быть другого выбора, кроме как напасть на вас», — отметил он. «Но, конечно же, это просто не устраивает меня. В следующий раз это будет мапо а мапо. С королем Эгбертом. Увидимся позже».

Как только мужчина закончил говорить, Д пошел туда, куда он швырнул иглу, даже не остановившись, чтобы отдышаться.

Капли красного забрызганы на хорошо вытопанную траву. Больше не было никаких признаков продавцов или исполнителей — все они теперь были марионетками, которые лежали скрытыми в траве. Даже благоухающие леса исчезли, оставив Д в окружении корявых пляжных кустарников. Без сомнения, его обманом заставили войти в «королевство» Эгберта, в то время как шериф якобы вел его к настоящей поляне. Но любое заклинание, которое может вмешаться

с чувством расстояния, направления и времени для кого-то вроде Д была действительно страшной силой.

За извилистыми кустами морщинистый старик лежал на спине в углублении, его глаза безучастно смотрели на небеса. Тонкая деревянная игла врезалась в его трахею и высунулась через затылок. Это, должно быть, была истинная форма Шина.

Возможно, Д. решил, что если он оставит труп здесь, чтобы его обнаружили, это обязательно расстроит летние празднества. Меч все еще сжимался в правой руке, он нагнулся и слева схватил старика за безрукое плечо.

Раздался громовой рев в одну сторону Охотника. Словно пораженный самим звуком, левая рука Д. оторвалась от запястья и пролетела более чем в десяти футах от него.

«Не двигайся», — крикнул голос из-за другого дерева в том направлении, откуда доносился рев, но Д уже повернулся.

Вооруженная огненной винтовкой дракона — массивным пистолетом со стволом, превышающим большой палец человека, — только что появившаяся фигура была плевательным изображением старика, который лежал мертвым на земле.

«Похоже, ты влюбился в это, — сказал старик. — Не все, чем я манипулирую, обязательно кажется живым. Вот тут-то и кукла трупа».

У ног Д. тело старика превратилось в куклу с деревянной иглой, воткнутой в нее.

«Честно говоря, я подумал, что сегодня будет достаточно просто вынуть левую руку», — продолжил старик. «Видите ли, я слышал от Эгберта, что это была говорящая рука, которая взяла верх над его королевством раньше. Но теперь моя жадность действительно вспыхнула. Мне все равно, являетесь ли вы великим охотником на вампиров Д — на этом диапазоне вы не сможете остановить снаряд. И если я проведу тебя прямо через сердце, ты больше не встанешь. Поэтому, если это не то, что вам нравится, вы ответите мне. Где бусина?»

Д молчал. Благодаря его дампирскому характеру кровотечение из плеча и всех других ран уже давно прекратилось, но поток красного извивался, как змея, откуда он потерял левую руку, и он, казалось, ничего не делал, чтобы остановить поток.

«Не двигай рукой и даже не поворачивай голову», — сказал старик Шин, облизывая свои отбивные. Хотя у него была только одна рука для поддержки массивного оружия, его дуло не колебалось ни на дюйм. «Эгберт также рассказал мне, что происходит, когда вы чувствуете вкус крови. Ты должен был уйти, когда понял, что я мертв, но ты был достаточно глуп, чтобы показать жалость ко мне». Усмехнувшись, он добавил: «Вероятно, именно поэтому вы недостаточно умны, чтобы знать, что делает бусина».

Бровь Д. поднялась. «И вы знаете, что он делает?» — спросил он.

Фыркая, как будто пытаюсь отогнать какой-то неприятный запах, Шин ответил: «Кто-то другой знал — старый фарт, который называет себя профессором или что-то в этом роде. И верный своему имени, он наверняка имел некоторую информацию для меня. Но какая это судьба, чтобы пить собственную кровь, чтобы победить в бою? Вы действительно должны вести проклятое существование! Но для меня это будет не так. Вместо того, чтобы быть такой скромной маленькой полукровкой, как вы, я собираюсь стать настоящим дворянином. А где же бусина?» — спросил он. Слова были лишены какого-либо чувства триумфа и звучали с тоном обнаженной, жалкой жадности.

Парный воздух и аромат, который их окружал, сотрясались.

«Там», — сказал Д., просто сделав небольшой взмах головой на землю справа от себя. «У говорящей руки это есть».

Шин на мгновение потерял дар речи, но затем его отвратительное старое лицо закрутилось от восторга, и он кивнул, сказав: «О, я вижу. Какое более безопасное укрытие вы могли бы попросить? Ну, тогда я возьму его. Не двигайся». Смеясь, он добавил: «Подумав, идите вперед и делайте все, что захотите. У меня больше нет пользы для тебя!»

Еще до того, как Шин закончил говорить, он нажал на курок. Со звуком, похожим на небольшой взрыв, свинцовый слизняк весом в шестую унцию выстрелил через голову Д. И в тот момент Шин, вероятно, знал, какой будет его собственная судьба. За долю секунды до того, как нажать на курок, он что-то увидел. Глаза Д. излучали свет крови.

В то время как палец Шина отчаянно нажимал на спусковой крючок, D был в движении. Тяжести «королевства» Эгберта больше не было, и он стал полноценным Дворянином. Шин не мог сказать, какой шаг Охотник собирается сделать дальше. Слизняк даже не рвался в кусты до тех пор, пока винтовка не была разрезана надвое ударом, который также разрезал Шина от левого плеча к правому легкому, и его тело откатилось назад.

Из рефлекса D закрыл нос и рот. Шин назвал его проклятым за то, что ему пришлось пить собственную кровь, чтобы победить. Но даже кукловод не мог себе представить, что кровь, которую он пролил выстрелом из собственного пистолета, испарится на летнем солнце, образуя густой аромат, который вторгся в ноздри Д. и наполнил его демонической силой. Возможно, в том, что сказал Шин, была доля правды.

Когда D поставил глаза, пылающие кровавым светом на настоящую Шину, выражение лица Охотника немного изменилось. Внезапно появилась марионетка, где был старик. И когда D обернулся, его левую руку нигде не было видно на земле.

Возможно, в тысяче футов вглубь страны от призрачных лесов, которые были сценой для смертельной битвы D, были настоящие леса. Там не было слышно даже грохота прибоя. На его месте было гудение и щебетание насекомых, вызванных знойностью, когда холод уходил накануне вечером, как сон. Но их крики неожиданно прекратились, потому что старик, худой, как рельс, вскочил и грубо растоптал их летние кусты.

На упавшем стволе массивного дерева, покрытого изумрудным мхом, встала другая фигура. Сбросив свой фирменный плащ, профессор Кролок стоял там в несколько грязной рубашке и брюках, оба из которых выглядели сделанными из мешковины. Увидев одорукого старика, который мчался туда, он спросил: «Вы поняли это?» Его изможденное выражение лица не изменилось ни на секунду.

— Да, — сказал старик Шин кивком. «У меня это прямо здесь. Посмотрите на это!»

Когда профессор увидел, что держал старик, его лицо свернулось от отвращения.

Шин добавил: «Это его левая рука. Бусина внутри него».

На Фронтире могло случиться все, что угодно — ничто не удивило его жителей.

«И что вы намеревались делать дальше?» — спросил профессор.

На его вопрос Шин прижал потрепанную конечность к груди, дрожа. Как бы он ни старался, он просто не мог сдержать своего восторга.

«Это должно быть довольно очевидно», — ответил кукловод. «Я собираюсь уехать из города так быстро, как смогу. Возможно, я получил бусину, но он все еще жив. Он страшный, и я должен

считать, что мне повезло, что у меня вообще есть эта вещь. В следующий раз, когда он увидит меня, я буду так же хороша, как мертвая. Эти его кроваво-красные глаза — он даже не видел настоящего меня, но все равно чувствовалось, что он смотрит прямо в костный мозг моих костей». Усмехнувшись, он добавил: «Конечно, в следующий раз, когда мы встретимся, я буду намного лучше его, что он не сможет лизать мои ботинки».

Когда профессор равнодушно наблюдал за гротескной картиной Шина, яростно пожимающего отрубленную руку, он спросил: «Вы действительно подтвердили, что бусина там есть?»

Лицо кукловода было картиной непоколебимой радости, но внезапный порыв возбуждения вонзился в его черты. «Нет. Но я: «

Тогда твоя радость может оказаться несколько преждевременной».

"Невозможно!" Шин закричал, поднеся к глазам хорошо сформированную конечность.

«Мы с вами могли бы вернуться в столицу, но если эта рука не будет держать бусину, это будет совершенно бесполезно для нас. Почему бы тебе не проверить и не убедиться?»

Слова профессора оказались достаточно убедительными, чтобы подтолкнуть Шина к действию. Размахивая отрубленной конечностью, которую он держал, старик сказал ей: «Хорошо, ответь мне. Ты уже мертв или ты все еще жив?»

Хотя Шин, который достиг пика своего гнева, не заметил этого, профессор Кролок, несомненно, смотрел на небеса за освобождением.

Все щебетание насекомых вымерло. Но то, что последовало, почти как извинение, было вспышкой неопишуемого смеха.

Поняв, что это рука, которая рассмеялась, изумленный Шин перевернул ее. Он смотрел на заднюю часть. Перед его прикованными глазами поверхность ладони рябила, и в ней что-то поднялось. Лицо. У него были глаза. И нос тоже. Он даже был оснащен ртом. Этот человеческий облик явно обладал собственной волей, но его черты были тревожными — как будто ему не хватало того, что было наиболее важным для человека.

Покачивая, рука сказала: «Перестань беспокоиться. Я живой. И я был таким в течение довольно долгого времени. Я прожил в сто раз дольше, чем ты, держу пари».

«Тогда я смогу добраться до сути», — сказал Шин, его тон был наполнен принуждением и самой черной уверенностью. Не было никаких следов его прежнего бедствия. «У вас должна быть бусина в животе», — продолжил он. — А как насчет этого?

«Теперь, когда вы упоминаете об этом, я помню, как проглотил что-то подобное давным-

давно». С другой шуткой он добавил: «Что это было — около трех тысяч лет назад?»

«Ты пытаешься издеваться надо мной?!» Шин заплакал. Опустив голову к груди, он просунул острие кинжала перед крошечными глазами. Оружие было спрятано в нагрудном кармане, и он вытащил его зубами. «Я хотел бы, чтобы ты снова попытался скрыть свои глаза и рот», — прорычал он. «Давайте посмотрим, сможете ли вы вытащить их до сих пор, я не могу выколоть их прямо из вас».

«Почему бы не вырезать из него бусину, пока вы на ней?» — предложил профессор.

"Хорошая идея!"

«Держи его! Просто дайте мне секунду», — сказал странное лицо в отчаянной попытке остановить его. «Я не уверен, какую именно из этих вещей вы хотите, но я постараюсь найти это сейчас. Позвольте мне увидеть...»

, а потом вдруг появилась отчетливая выпуклость в одной из его щек.

«Как насчет этого?» — спросила рука спокойным тоном.

А потом случилось невозможное —

выплюнул изо рта впечатляющий вихрь, тусклая серебряная бусина выстрелила прямо в глаз Шина, прежде чем он смог увернуться от нее. Пошатнувшись назад, издавая звериный вой, он намеревался прижать свою руку к глазу, но вместо этого прижал другую руку к ней. Посыпать на север

Снова освободив руку, он выбросил ее. Но в ране не осталось бусины. Там, где был его глаз, не было ничего, кроме кровавого отверстия.

Взрыв смеха эхом разнесся с земли. Отрубленная рука стояла вертикально. Оба глаза были широко открыты, а половина бусины торчала из ее крошечного рта. Как он мог смеяться с полным ртом, можно было только догадываться.

«Подождите!» — закричал профессор, готовясь наброситься на конечность. Рука не пыталась убежать, а скорее позволяла старому художнику легко овладеть ею обеими своими собственными увядшими руками.

«Возможно, у вас есть я, — засмеялась рука, — но это не принесет вам большой пользы. По крайней мере, это не поможет вам получить это!»

Хотя было неясно, как именно он продолжал говорить, делая это, рука выплюнула бусину изо рта. Покрыв серебристую дугу, он полетел в сторону моря.

Пока профессор отвлекался, острая боль пронзила его руку, а затем он пожал странную отрубленную руку. Только после того, как он нырнул в кусты, чтобы найти бусину, и снова вышел с пустыми руками, он понял, что его укусили. Увидев крошечные следы зубов вокруг основания большого пальца правой руки, профессор пренебрежительно сжал язык.

Когда в глазах профессора Кролока быстро распространился оттенок ненависти, он посмотрел вниз на Шина, который все еще корчился на земле. «Действительно, кажется, что ваша радость была немного преждевременной». Когда профессор говорил, он вытащил нож из своего пояса и вонзил его в шею Шина до рукоятки.

«Ты сукин сын... — сказал старик столь скорбным тоном, что большинство предпочло бы прикрыть уши. Он смотрел на профессора. Из его рта пролилась кровь, но он все еще говорил. «Ты идиот... У тебя все еще есть мой ядовитый паук... на задней части шеи... Я возьму тебя с собой в ад!»»

«Вы имеете в виду эту вещь?» — спросил профессор. Вытащив ядовитого паука из нагрудного кармана своего пальто, он махнул им перед глазами Шина. «Я не мог видеть это сам, но я мог мельком увидеть это с помощью чего-то другого. Пока тебя не было рядом, я попросил кого-то в гостинице установить для меня пару зеркал. Сначала я заставил один отражать затылок, а затем я держал другой перед своим лицом, чтобы отразить первый. После этого речь шла просто о том, чтобы нарисовать картину».

Его энергия, по-видимому, истощилась, Шин упал на землю с страшным риктусом, в то время как позади него паук, который превратился в маленький кусочек резины, был отброшен профессором, который повернулся к морю с ужасным выражением лица, до сих пор невиданным.

«Я найду тебя», — заявил профессор Кролок. «Я сделаю все, что потребуется, но я найду тебя. О маленькое сокровище, вы в одиночку можете раскрыть тайну человеческой и благородной крови. И ты будешь моим!» А затем, все время надавливая на одну руку, он снова начал идти туда, где исчезла бусина.

На вершине скалы вдали был слышен рев моря. Если вы свернули с дороги Дворян на улицу, ведущую в деревню, это было место, где дорога проходила довольно близко к морю. Глядя вниз с края черной скалы, вы были бы встречены яростными брызгами волн, разбивающихся о дикий клубок валунов внизу, и через воду можно было увидеть стаю чудовищных рыб длиной от фута до полутора футов, массирующихся с обнаженными зубами, как будто ожидающими какой-то суицидальной души. Этого зрелища было достаточно, чтобы дать какой-то странный порыв внезапно броситься через край.

Хотя чудовищные рыбы были плотоядными, они не всегда собирались под скалой. Их поведение было возвратом к древним временам, когда дворянство управляло всей областью и сбрасывало людей со скалы либо в качестве примера для тех, кто бросал им вызов, либо просто

для спорта. Число отправленных таким образом было настолько велико, и практика продолжалась так долго, что это стало своего рода обусловленной реакцией у рыбы. Даже сейчас, почти десять веков спустя, они поднимались из морских глубин, как будто руководствуясь инстинктом, плавая кругами и щелкая зубами, чтобы выпрашивать пищу всякий раз, когда они чувствовали людей на скале.

Там было два человека, которые могли бы обеспечить полдник. Одна из них была красавицей, капающей от очарования, другая — статной искательницей знаний — Самон и Глен. Вероятно, они сами не знали, объединяло ли их взаимное влечение или ненависть, но их странные отношения продолжались.

В настоящее время глаза Самона сверкали от мрачного энтузиазма, в то время как ужасные тени поражения висели на лице Глена. Всего за день до этого он бросил вызов D, но потерпел поражение. Вооружившись тщательно охраняемой техникой «Лорелей», он нанес серьезную рану своему противнику, и ему посчастливилось получить помощь от неожиданного злоумышленника. Но Глен знал лучше, чем кто-либо, что без этой помощи удар, который он получил в ответ от клинка Д., был бы смертельным, и его тело горело от этого знания и прискорбного чувства неудачи. Его признание этого факта сменилось ненаправленной яростью, которая теперь обострилась до такой степени, что он хотел разорвать те самые бинты, обернутые вокруг его правого плеча, и отрезать ему бесполезную руку.

Я просто не могу подняться до такого уровня, сказал он себе.

Рано или поздно искатель знаний видит конец пути — и именно эта фраза описывала ту судьбу, которую он никогда не хотел там найти.

Когда гнев и отчаяние обрушились на красивое лицо фехтовальщика, как цвета в калейдоскопе, Самон уставилась на него, ее глаза были наполнены эмоцией, которая не была ни полным презрением, ни жалостью. Она сказала Глену, что, похоже, ее соотечественники собираются попробовать что-то первым, что побудило его визит к Д. Глену выйти из получившейся дуэли менее чем триумфально. Помня о глазах жителей деревни, она отвела раненого в разрушенный храм и лично обработала его раны. Это был тот самый ненавистный человек, который спас ее от чар профессора, взял ее против ее воли и постоянно унижал ее. Поэтому, когда он бросил вызов Д. по ее настоянию и остался побежденным, Самон жестоко усмехнулся в ее сердце. Причина, по которой она исправила его, заключалась в том, что, пока он все еще жив, она могла заставить его опрометчиво бросить вызов Охотнику еще раз и значительно облегчить ее соотечественникам получение бисера. И все же, когда волшебница стояла на скалах, глядя на молодого фехтовальщика, тот же пафос, который можно было увидеть в ком-то, глядя на ее возлюбленного, казалось, кружился в ее глазах.

«Ты собираешься уйти сейчас?» — спросил Самон насмешливым тоном. «Это было бы к лучшему», — добавила она. «Ваш противник — охотник на вампиров D — мечник, не имеющий себе равных во всем Фронтире. Это не тот уровень мастерства, которого может надеяться достичь простой искатель знаний. Отбросьте свою глупую гордость и уезжайте из города без дальнейших проволочек. И просто забудьте, что что-либо из этого когда-либо происходило».

Не было никакого способа описать ее замечания, кроме резких и презрительных, но было неясно, слышал ли их Глен, когда молча смотрел на Северное море с мечом в правой руке.

«Я не могу победить, не так ли?» — сказал он прямо, позволив своим словам прокатиться по ветру, который пролетел мимо. «Вы правы — я, конечно, не могу победить его. Маленькая ворчунка, извивающаяся на земле, может тренировать все, что ей нравится, но она все равно никогда не будет соответствовать большому дракону. Но выход есть. Я в этом уверен. У меня есть способ поставить охотника на вампиров D на колени».

Самон прищурила глаза — на нее обрушился внезапный шторм. Когда она снова открыла их полностью, Глен был лицом к ней.

Он сошел с ума, подумал Самон. Это был единственный вывод, который его выражение позволило ей сделать.

«Безусловно, есть. Только один», — кричал искатель знаний, дрожа все его тело. «Когда вы пошли за ужином, вы также принесли новости, которые вы слышали. На этот раз я должен поверить, что Бог есть.», — вздохнул он, — думая, что я побежден, стоя на грани безнадежности, когда мой спаситель должен был появиться в такой форме,

— весь намек на цвет вытекал из выражения лица Самона. Эта свирепая волшебница оставляла лица даже закаленных бойцов бледными, но она отступала, когда ее тело наполнялось ошеломляющим первобытным страхом.

«Вы не можете быть серьезными», — сказала она, ее губы дрожали, когда она плюнула на слова. «На самом деле вы бы этого не сделали...»

; «Да, я стану дворянином», — решительно заявил мужчина, его глаза были окрашены убийственной похотью. «Хотя технически я был бы одним из их слуг, если бы Нобл укусил меня. Да, не более чем изверг, следующий приказам того, кто укусил его, блуждающий по земле в поисках жизненной силы той же человеческой расы, к которой он когда-то принадлежал. Но ничто из этого не имеет для меня значения. Нет, если это то, что нужно, чтобы превзойти Vampire Hunter D». Смеясь, он добавил: «Подумайте об этом, мы никогда не сможем попросить более четкого мотива для битвы. Охотник против слуги дворянства».

Самон был ошеломлен, буквально укорененный своей превосходящей мстительностью, и когда Глен предстал перед ней, он протянул руку своей раненой правой рукой и схватил ее бледное горло, как орел, сжимающий свою добычу. Женщина попыталась отвернуться, но он поднес свое лицо к ее светло-розовым губам и сказал: «Начиная с этого вечера, я буду выходить каждый вечер. Ищу его, конечно. Вы собираетесь спросить по всей деревне и попытаться найти место, где он, вероятно, появится. Мы оба будем его искать».

«Но это просто — как вы думаете, я бы это сделал? Как ты думаешь, я мог бы?» — спросила Самон, ее голос дрожал. Она была в ужасе от упрямства человека, который мог серьезно

приказать ей делать такие вещи. Лезвие льда скакало по ее позвоночнику. На самом деле это было довольно чувственно. Самон чувствовала, как ее промежность становится влажной.

«У вас есть проблемы с этим?» — спросил ее Глен. «Если это так, я сброшу тебя с этой скалы прямо здесь и сейчас. Если ты не можешь ничего сделать, кроме как перевязать мои раны и свернуться в мою постель, то единственное, для чего ты будешь хорош, это наполнить животы рыбы, которая там собирается».

Рука, все еще запертая на бледном горле женщины, Глен подтянул ее к себе. Самон не дрался с ним. Напротив, соблазнительница обеими руками обхватила голову Глена и приложила губы к его губам.

Прошло много времени.

Когда струна слюны между ними дрожала от рваного дыхания Самона, она уставилась на мужчину и практически задышалась: «Я буду рада следовать твоим командам. Вплоть до того самого дня, когда Дворянин вонзает свои клыки в твоё горло», — смеялась она.

Тело женщины корчило от страсти, но Глен сбил ее с ног грубым толчком.

Позволив самым похотливым улыбкам подняться к ее губам, Самон сказал: «Ну, я сейчас пойду. Я должен встретиться с моими коллегами и решить, каким будет наш следующий шаг в этой битве». Хихикая, она добавила: «Но сегодня вечером я снова вернусь в твою постель».

Как только Самон ушел, Глен повернулся лицом к морю в одиночестве. И сразу после того, как он это сделал, сзади прозвучало самое поразительное замечание.

«Ты просто не умираешь, не так ли, вредитель?»

Когда Глен повернулся совершенно неторопливо, он столкнулся с мускулистым гигантом, стоящим в пятнадцати футах от него.

«Меня зовут Эгберт. Полагаю, Самон рассказал тебе обо мне».

Когда человек ткнул железный посох в его сторону, Глен ухмыльнулся и сказал: «Вы уже некоторое время находитесь там за скалами, не так ли? Да, я действительно слышал ваше имя. Итак, каковы ваши дела со мной?»

«Я хочу, чтобы ты уехал из города прямо сейчас. Хотя, из того, что я только что услышал, я не думаю, что вы, вероятно, подчинитесь. Так что мне придется кормить тебя рыбой Дворян так же, как ты собирался дать им Самон».

Посох Эгберта затонул, и кончик его коснулся скалы, где он медленно начал выгравировать толстую линию в камне. Глен еще не знал, что означает это действие.

Вершина скалы, где стоял Глен, была примерно двадцать футов в ширину. После того, как он закончил рисовать линию по всей ширине, Эгберт улыбнулся и сказал: «Там, где вы стоите — начиная с этой линии — мое королевство. И теперь я собираюсь поразить захватчика. Я поразю тебя во имя короля Эгберта!»

Взглянув на железный посох, который гигант снова приготовил к действию, Глен усмехнулся: «Ты думаешь, что ты достаточно хорош, чтобы убить меня? Штраф. Но я не могу поверить, что есть воин, достаточно глупый, чтобы выбросить свою жизнь, потому что он потерялся в прелестях какой-то никчемной шлюхи. У меня нет возможности использовать мою хорошую руку, — добавил он, — но у меня все равно должно быть все необходимое, чтобы показать вам, насколько я лучше на самом деле. Давай».

Неизменное, достойное лицо Эгберта пылало яростью. Объединив усилия с Шином, чтобы атаковать D и потерпев неудачу, он не вернулся в укрытие группы, а вместо этого обошел деревню. У Гёхки и Близнеца были свои роли, но Самона не было рядом с предыдущей ночи. Поскольку Эгберт убедил себя, что нет смысла возвращаться назад, истинной целью его странствий было найти женщину.

Из пяти силовиков у Эгберта, казалось, было больше всего человеческой крови, текущей по его венам. В результате он был привлечен к Самону, чья природа была диаметрально противоположна его собственной. Возможно, он не выразил ей этих чувств, потому что подумал о том, сколько разных моментов было между Самоном и им самим, но когда Эгберт узнал о существовании Глена от Шина, который следовал за женщиной в ту первую ночь, когда она покинула их укрытие, его тело сгорело от ужасной ревности. Поскольку соотечественники Самона поняли, что она должна броситься на Глена, чтобы манипулировать им, гигант не выразил своего личного несогласия с договоренностью, но он поклялся себе, что в конечном итоге решит дела с фехтовальщиком. Нахождение того, кого он искал там с Самоном на скалах на окраине города, оставило его почти сумасшедшим от радости. И теперь, когда Шин был убит, а Самон ушел, он был свободен решать дела с этим соперничающим женихом совершенно беспрепятственно.

— Хя! Эгберт закричал голосом, резким, как разрыв шелка, когда он приготовил свою нижнюю половину к бою, а затем оторвался от земли.

Бросив взгляд жалости и презрения на гигантскую форму, когда она совершила бессмысленный высокий прыжок в воздух, Глен был поражен, когда он попытался сделать толчок с мечом в левой руке. Его клинок, казалось, весил в пять раз больше, и он двигался с пропорциональной медлительностью. Когда он едва парировал несколько десятков фунтов железного прутка, качающегося на него, это было связано не с каким-либо чудом, а скорее с чистой ловкостью.

Его меч разбился.

—Вы бы посмотрели на это, — воскликнул Эгберт.

Уклонившись от горизонтального удара посоха, Глен был вынужден вернуться на окончечность обрыва. В то время как скорость его противника не изменилась вообще, скорость фехтовальщика составляла лишь пятую часть от того, что обычно было. В тот момент, когда Глен понял, насколько по-настоящему ужасна ситуация, мощный удар приземлился на его туловище, отправив его в полет.

Под ним не было скалистой местности. Без звука Глен, «искатель знаний», упал головой вперед со скалы высотой почти в сто пятьдесят футов в беспокойное море, полное чудовищной рыбы.

Взъерошенные прохладным ветерком, волосы Су-Ин упали на ее лицо, заставляя ее неоднократно расчесывать их пальцами. Холод, вызванный ветром, был вызван кусками льда у берега. Непостижимая логика погодного контролера также господствовала там, но когда лето зашло в деревню, она не распространялась на дальние уголки океана. Холодный воздух, принесенный северным ветром, становился прохладным над морем, превращаясь в прохладный бриз, который дул через прибрежный город, обычно неслыханный летом. Это был их летний ветер.

Су-Ин стоял на мысе. Был ранний полдень — примерно в то же время, когда Эгберт и Глен были вовлечены в свой смертельный конфликт. Голубоватая зелень моря перед ней ранила глаза. Хотя частично оно должно было измениться на ледяной пепельно-серый, море, которое было видно отсюда, было цвета лета, как будто оно было украшено синевой неба и зеленью травы.

Бледный лед выплыл за невидимую линию, в то время как немного стесняясь его — примерно в трех четвертях мили от берега — несколько моторных лодок среднего размера разрывали волны на белые кусочки, когда они преследовали стаи рыб. Основываясь на их позиции, она подумала, что они могут быть после грохота тунца.

Она была в месте, примерно в двадцати минутах ходьбы от своего укрытия. Он назывался «Капское дворянство». Она приезжала сюда бесчисленное количество раз в детстве, и инициалы, которые она оставила, остались поцарапанными на скалах и высеченными в стволах близлежащих деревьев.

Когда она тогда смотрела на море, она подумала, что я буду жить здесь! Но теперь все было по-другому. Вместо этого она задалась вопросом: «Могу ли я действительно жить здесь?»

Усталость тяжело легла на ее плечи. До сих пор у нее был способ справиться с этим. Но за последние несколько дней Су-Ин почувствовала странное чувство потери из-за того, насколько чрезвычайно важны для нее были У-Линь и Грампа Хань. Она думала, что у нее есть уверенность, чтобы жить — уверенность в том, чтобы жить полностью самостоятельно, то есть. Но потом у нее забрали младшую сестру и бабушку. Су-Ин поняла, что хочет уехать куда-нибудь далеко, как только лето закончится. Она не думала, что сможет выдержать следующую

зиму.

Некое лицо проникло в сознание Су-Ин, заставляя ее дрожать в теплом воздухе. Мужчина, которого она видела в туннеле— он тоже был в ее сне прошлой ночью. Но она могла поклясться, что никогда раньше не видела его лица. И все же, что-то невыразимо тяжелое и темное закрывалось вокруг ее сердца.

Кем он был? Это была самая большая загадка, хотя она могла принять это многое. Но в ней возник другой вопрос, и он принес с собой ужас: что он для меня?

Покачив головой, Су-Ин попыталась вызвать в памяти другое лицо — лицо молодого человека, который был гораздо более красив; холоднее и тяжелее. Хотя он не сказал ей ничего о себе, она просто знала, что он прошел путь грубее и ужаснее, чем все, что она могла себе представить. И одна только мысль об этом сняла тяжесть с груди Су-Ин и дала ей безмятежное чувство.

Однако Охотник должен был когда-нибудь уйти. Это, прежде всего, было определенностью. Возможно, вся причина, по которой она заставила его ухаживать за бусиной, заключалась в том, что она не хотела, чтобы он уходил. Правда заключалась в том, что Су-Ин ужасно боялась того, как ведет себя ее сердце.

Ее глаза были наполнены нечетким видом на небо и море, но они внезапно сосредоточились на одной точке. Одна из моторных лодок, буксирующих сети у льдин, внезапно оказалась в стороне. И то, что женщина увидела дальше, лишило ее дара речи.

За то время, которое потребовалось ей, чтобы бессознательно моргнуть два-три раза, нос судна был поднят высоко в воздух,

мужчины на борту были брошены в темную воду, а затем лодка соскользнула в море так легко, что это было невероятно.

Заметив происходящее, одно из судов, сопровождавших злополучную лодку, отрезало собственные сети и развернулось.

Су-Ин ахнула.

В море у правого борта корабля что-то черное внезапно дошло из воды. На этом расстоянии он просто выглядел как тонкая линия, но Су-Ин изобразил его как коготь краба.

Капитан лодки, которая мчалась на помощь, тоже заметил это. Он сильно порезал колесо. Вещь была менее чем в шести футах от нас. Но отчаянная кривая жизни и смерти его курса служила только для того, чтобы дать тому, что скрывалось в море, идеальный угол для атаки.

Су-Ин увидел, как выступившая из моря конечность пронзила нос лодки. Собственная скорость

судна просто служила для того, чтобы коготь казался еще более резким, поскольку он разрывал свой путь вниз по корпусу, как ножницы, разрезающие бумагу, и когда газ прошел половину пути вниз по длине лодки, и корпус, и его зияющая рана погрузились в море. Лодке потребовалось менее двух секунд, чтобы подняться к левому борту.

Заметив опасность в море, другое судно начало бежать. Но прежде чем он ушел в тридцати футах от места катастрофы, что-то случилось. Хотя он не указывался, а его скорость не уменьшалась вообще, расстояние между орудиями лодки и поверхностью воды быстро сокращалось. Когда его судно стало настоящей подводной лодкой и затонуло под волнами, капитан бросился в воду.

Не в силах определить, что происходит, другая группа лодок, находившихся в некотором отдалении, начала закрываться на месте происшествия, в то время как Су-Ин кричал им, чтобы они остановились, но они вытащили задыхающихся людей из замерзающей воды и помчались обратно в гавань, ничего больше не провозгласив. Ничего, то есть, кроме определенного высказывания.

Хотя это не дошло до ушей Су-Ина, тяжелый, тусклый голос, который вполне мог исходить от царя всех водных демонов, эхом отозвался со дна моря, говоря: «Знайте, что любого, кто рискнет отправиться ловить рыбу, постигнет та же участь. Море теперь ваш враг. Если мысль об этом наполняет вас страхом, то делайте так, как я говорю. В вашей деревне есть девушка по имени Су-Ин — вы должны взять бусину, которая у нее есть, и бросить ее в море в любое время в течение следующих трех дней. Как только ты это сделаешь, я еще раз верну тебе это море».

Спасательные катера вернулись в деревню на полном ходу, и пока выживших доставляли в больницу, еще несколько человек как можно быстрее поспешили к мэру, чтобы сообщить ему срочную новость. Настаивая на том, что летний фестиваль не должен быть сорван, мэр приказал шерифу и членам городского совета немедленно собраться на заседание комитета. Гонец, посланный в дом Су-Ина, нашел там Д, и когда молодой человек появился в комнате в городском офисе, как черный шторм, мрачные лица сменились прерывистыми взглядами восторга и ужаса.

Хотя Д молча откинулся на одну стену, в то время как мэр сначала объяснил текущую ситуацию, а затем потребовал некоторых разъяснений по поводу бусины и немедленно перевернуть ее, как только другой человек закончил говорить, молодой человек сказал им неторопливым тоном: «У меня нет бусины».

«Что в —?!», — сказал мэр, слова умирали у него во рту.

Все присутствующие обменялись взглядами. Но никто не собирался брать Д на работу. Они чувствовали, как будто угроза из глубины внезапно встала прямо перед их глазами.

«У нас есть три дня, не так ли?» Д сказал в том же стальном тоне, что и всегда. «В течение этого времени либо бусина должна быть найдена, либо все, что находится в море, должно быть уничтожено. С тобой все будет в порядке, не так ли?»

Члены совета снова посмотрели друг на друга, но все, что они могли сделать, это кивнуть своим согласием.

«В любом случае, что это за бусина?» — сказал мэр тоном, который дал понять, что это единственный вопрос, который не может остаться незадаанным.

— Даже я не знаю, — ответил Д.

«Почему у Су-Ина это было?»

«Не знаю».

— Что это было за существо в воде?

«Не знаю».

«Где Су-Ин?» — резко спросил один из членов совета.

«Она сказала, что у нее есть несколько покупок, и отправилась в деревню Краус. Я не знаю, когда она вернется».

Краус был названием портового города, где приземлился паром.

— И еще», — упорно сказал член совета. «Как только вы вошли сюда, казалось, что весь воздух в комнате замерз. Ты расскажешь нам, кто ты такой».

«У вас есть какой-то нерв, говорящий это», — вмешался Дуайт. Как лидер Молодежной бригады, он также входил в состав городского совета. «Все, что я знаю, это то, что он путешествующий телохранитель. Когда-нибудь он покинет нашу деревню. И разве это не закон Фронтيرا, что вы никогда не спрашиваете путешественников об их прошлом или о том, куда они идут?»

«Я думаю, что сейчас вряд ли время поднимать этот вопрос», — сказал член совета Дуайту, думая, что он нашел идеальный угол для своей атаки. «Его ответ на каждый вопрос сводится к «Я не знаю». Тем не менее, у него есть наглость сказать, что все, что нам нужно сделать, это победить нашего врага, как будто это не будет проблемой. Я хотел бы услышать, как мы должны это делать. И даже если предположить, что о том, что о море заботятся, какая у нас гарантия, что вторая или третья угроза не всплывет, пока бусина и те, кто с ней связан, остаются в городе? Я беспокоюсь о том, что будет дальше. Хорошо, мы позволим ему позаботиться о ситуации. Но даже если он все аккуратно и аккуратно разберет, я хочу, чтобы вы помнили, что вопрос о том, будет ли Су-Ин разрешено остаться в деревне, будет зависеть от того, какое объяснение мы получим, когда все будет сказано и сделано».

«Что ты имеешь в виду, ты бессердечная старая свинья?!» — закричал Дуайт, возмущенно поднявшись. «Ты паршивый ублюдок! Вы думаете, что имеете право сказать это о Су-Ин или о ком-либо в ее семье?! Когда этот ваш дикий сын заблудился посреди метели и забрел на курорт дворян, кто был тем, кто чуть не замерз до смерти, найдя его? Это был ты? Был ли кто-нибудь из вас, стервятников, сидящих здесь за столом? Черт возьми, нет, это были Су-Ин и У-Линь! И я ненавижу это говорить, но в прошлый раз, когда вы ремонтировали дом, в котором вы все еще живете, кто одолжил вам средства, необходимые для ремонта? Извините, но это был мэр? Был ли это окружной банк? Нет, это был дедушка Су-Ина!»

Член совета предотвратил свое теперь уже бледное лицо. Логически говоря, то, что человек сказал минутой ранее, имело смысл. Однако в такой деревне, где, помимо одной недели лета, они в основном жили на палках и ветках и спали в сугробах, чувство долга в межличностных отношениях должно было иметь приоритет над чистой рациональностью. Суровость жизни на Фронтире не позволила бы им жить по-другому. Если и было что-то, что люди здесь ненавидели больше, чем вор или убийца, то это был ингрят.

«Да, но Дуайт, — вмешался другой член совета, — в том, что говорит Толсо, есть доля правды. Пока у нас есть доступ к морю, мы можем зарабатывать на жизнь. Но даже если обо всем позаботятся сейчас, что мы должны делать, если больше этих странных персонажей придут и вытащат то же самое во второй или третий раз? Боюсь, что, в конце концов, Су-Ин придется нести ответственность за это. Привнести что-то столь же опасное, как Благородный, в нашу неделю лета — довольно серьезное преступление».

«Ты сволочь! Вы пытаетесь сказать мне, что это вина кого-то, живущего в той же деревне, что и все мы, или что-то в этом роде?» — сказал Дуайт, отходя от стула. Все его тело дрожало от ярости. «Отлично! Это просто прекрасно!» — кричал представитель Молодежной бригады, размахивая кулаком перед лицом мрачного члена совета. «Ну, тогда я понесу бремя преступления моего друга. Я понимаю, что у вас не будет никаких жалоб, если я избавлюсь от этого монстра для вас!»

«Теперь это совсем не то, что мы говорили!»

«Заткнись! Я больше не хочу слышать твоих оправданий!»

Дуайт уже собирался наброситься на другого мужчину, когда перед его грудью вытянулась рука в черном. На секунду,

Выражение лица, которое носил молодой рыбак, выглядело так, как будто он только что погрузился в сердце зимы, но человек в черном даже не взглянул на него. Вместо этого он обратился к остальным, которые все тяжело глотали.

« Вы упомянули дворянство, не так ли? Д сказал, как красивая тень. «Я слышал, что он пришел с моря. Если я позабочусь об этой угрозе как из глубин, так и из Благородных, вы не должны делать ничего другого с Су-Ин или бусиной. Вам не нужно ни о чем беспокоиться».

Шум, который стеснялся реальных слов, заполнил комнату. Хотя это заявление звучало

нелепо, в то же время все там чувствовали, что этот лихой молодой человек действительно может преуспеть в этом.

«И как вы предлагаете нам уничтожить Ноубла, особенно того, который приходит из моря, как ни один Нобл не должен быть в состоянии сделать?» — спросил шериф. Страх и ожидание переплелись в его голосе.

«Я охотник на вампиров».

Теперь у всех широко раскрылись глаза.

Мэр сразу же сказал: «Ну, теперь — в каком-то смысле, это больше, чем мы могли когда-либо надеяться. Но мне все равно, насколько вы хороший охотник на вампиров, то, с чем мы здесь сталкиваемся, не является обычным Благородным, вы знаете!»

«Я уверен, что это не будет проблемой», — достойно просмеялся достойный голос через открытое окно. «Он дампир, так что он сам частично Благородный!»

Кожа каждого человека рябила мурашками. Даже Дуайт подслушивал глаза, и он не мог сказать ни слова.

Хотя D бросил свой взгляд в сторону сада, голос больше не был слышен, и все признаки того, что кто-то там был там, также исчезли. Затем Охотник быстро повернулся и сказал группе: «Правильно». Равнодушным тоном он заявил: «Все, что я прошу, это чтобы вы держались подальше от меня в течение трех дней», а затем вышел с молчаливыми шагами.

Все в конференц-зале были в шоковом состоянии, и они упали обратно в свои кресла, как будто потеряли сознание. Но вскоре Дуайт застонал беспокойным тоном: «О, Су-Ин, во что ты ввязался?»

Незадолго до того, как D покинул собрание, профессор покидал окрестности городского офиса в быстром темпе, идя по узкой тропинке, которая выходила на главную улицу деревни, когда он сказал: «Я считаю, что этого должно быть достаточно, чтобы ограничить движения D. Все, что остается, это найти бусину как можно быстрее, но я не знаю, куда она делась — возможно, мне стоит вернуться и снова прочесать это место?» — размышлял он.

Во время поиска бусины профессор Кролок увидел, как Д. спешит к городскому офису, поэтому он последовал за Охотником на безопасном расстоянии и получил неожиданный бонус в процессе. Хотя его щеки выглядели готовыми рухнуть от силы его ухмылки, профессор ничего не сделал, чтобы подавить его, когда он поспешил к лесу, где играл вальс.

<http://tl.rulate.ru/book/51824/2283740>